

Ключик на запястье

Kingdom of Aerlis

Valley of Winds

winds are born from human
emotions - they blow down
when a person fears, being cautious
and upward when they truly love

Федосеева-Высоцкая Анна

Ключик на запястье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73505723

SelfPub; 2026

Аннотация

В тихом архиве маленького французского города Селин Леруа, младший библиотекарь и тайная создательница целых миров, хранит под ключом не только старые документы, но и свою самую сокровенную тетрадь – портал в Аэрлис, страну, где ветра рождаются внутри человека и дуют в сторону его самых глубоких страхов и самых светлых желаний. Её внутренняя гармония нарушается, когда в архив приходит молодой писатель Габриэль Моро, который ищет материал для книги о местной истории. Он замечает не только её, но и те странные пометки на стикерах, которые она оставляет для себя среди документов. Он задаёт прямой вопрос: «Что это за мир, где дуют такие ветра?» Этот момент становится для Селин пунктом выбора: навсегда запереть свои миры под ключ или впервые рискнуть и показать кому-то свою вселенную, рискуя быть непонятой или осмеянной. Либо открыться и найти того, кто сможет стать не просто слушателем, но и первым жителем её миров.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	30
Глава 8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Федосеева-Высоцкая Анна

Ключик на запястье

Глава 1

Селин Леруа всегда просыпалась раньше будильника. Не потому, что была дисциплинированной – просто в пять сорок семь утра над крышами старого квартала Лилля уже вставало такое особенное, почти прозрачное солнце, что его невозможно было пропустить. Она садилась на подоконник своей крошечной квартирки-мастерской, завернувшись в большой тёплый плед, и смотрела, как свет медленно заполняет комнату, будто кто-то очень осторожно перелистывает страницы огромной книги.

На её запястье тонко позвякивала серебряная цепочка с крошечным ключиком. Бабушкин подарок. «Чтобы ты никогда не теряла дорогу домой, даже если уйдёшь очень далеко», – сказала тогда бабушка и закрыла своими тёплыми ладонями её маленькие ладошки. Селин было двенадцать. Теперь ей двадцать три, а ключ всё ещё на месте.

Селин работала в небольшом архиве местной библиотеки младшим библиотекарем уже третий год. В архиве её называли «девочка с облаками в глазах». Но никто не знал, что для неё архив – это не хранилище бумаг, а огромный спящий

сад. Каждый пожелтевший лист – семя. Каждый стёртый карандашный набросок на полях – уже почти проросший росток.

Сегодня она разбирала фонд 1897 года – судовые журналы порта Дюнкерка. Пальцы привычно скользили по грубой бумаге. Вдруг взгляд зацепился за одну строку, написанную торопливым почерком капитана:

«...ветер сегодня дует не с севера и не с запада. Он дует изнутри».

Селин замерла. Сердце сделало мягкий переворот, как всегда, когда реальность тихонько приоткрывала дверь в её собственные миры. Она достала из кармана маленький жёлтый стикер и аккуратно прилепила к странице. На стикере карандашом было выведено:

«Аэрлис. Ветра, рождающиеся внутри человека. Направление зависит от того, чего он больше всего боится потерять».

Она улыбнулась своей тайне и продолжила работу.

Дома, в мастерской, на стене уже висела большая карта Аэрлиса – королевства, которое она выдумывала уже четыре года. Карта была нарисована тушью и акварелью, края обожжены свечой «для достоверности». И сегодня Селин, наконец, нашла особенность для Аэрлиса. В центре – долина, где ветер дул вверх, если человек влюблялся, и вниз, если предавал. Селин знала направление каждого воздушного потока, имена всех ветров и даже их любимые мелодии.

Она села за стол, включила старенькую настольную лампу с зелёным абажуром и раскрыла кожаную тетрадь – ту самую, с ключом. Сегодня нужно было дорисовать портрет королевы Элисси, которая могла слышать мысли облаков.

Кисть двигалась почти сама. Селин иногда останавливалась, закрывала глаза и проводила пальцами по бумаге, будто считывала историю с самой поверхности. Шероховатость. Холодок. Тепло от ладони. Всё становилось частью мира.

Глава 2

Во вторник в архив пришёл он.

Селин как раз спустилась со стремянки, отряхивая пыль с ладоней, когда дверь тихо скрипнула. Вошёл высокий молодой мужчина лет тридцати. Тёмные волосы слегка растрёпаны, будто он всю дорогу шёл против ветра. Очки в тонкой металлической оправе, кожаный портфель, потёртый на углах, но явно любимый. На бейдже, приколотом к пальто: «Габриэль Моро, независимый исследователь». Глаза тёплого орехового цвета, с лёгкой усталостью, но при этом горящие, внимательные. Он огляделся так, будто уже видел это место раньше, не как турист, а как человек, который ищет что-то очень личное.

– Добрый день, – сказал он мягко, но уверенно. Голос был низкий, чуть бархатный, как старые фолианты, которые она так любила перелистывать. – Мне сказали, что здесь можно работать с фондом «Местные легенды и неопубликованные дневники». Я пишу книгу о забытых историях Лилля и окрестностей. Все разрешения у меня имеются.

Селин замерла на секунду, разглядывая его. В нём было что-то... знакомое. Не лицо, а манера держать плечи, будто он тоже привык носить внутри целые миры и боялся их случайно уронить.

– Конечно, – ответила она тихо, почти шёпотом, как все-

гда, когда говорила с новыми людьми. – Проходите, пожалуйста. Стол у окна самый светлый. Я сейчас принесу нужные ящики. Фонд 1897–1912, верно?

– Да, именно. – Он улыбнулся уголком губ. Улыбка была осторожная, но настоящая. – Спасибо. Я постараюсь работать тихо.

Селин кивнула и направилась в хранилище. Пока она катила тележку с тяжёлыми картонными коробками, сердце стучало чуть быстрее обычного. Она чувствовала его взгляд, не назойливый, а... любопытный. Будто он уже заметил, как она чуть задержала пальцы на одной из коробок, будто прощалась с ней.

Она поставила ящики на его стол, разложила карандаши и чистые листы.

– Если что-то понадобится, я за соседним столом. И... пожалуйста, не перекладывайте стикеры. Они для меня.

– Не буду, – пообещал он серьёзно. – Я уважаю чужие заметки.

Весь день он работал молча. Только иногда она слышала, как он тихо перелистывает страницы, как ручка скребёт по бумаге. Пару раз их взгляды случайно встречались. Селин быстро отводила глаза, но успевала заметить, как он чуть прищуривается, будто пытается прочитать что-то не только на бумаге.

На следующий день, в среду, он пришёл снова. Уже без пальто, в простом тёмно-синем свитере. Принёс свой термос

и два яблока.

– Доброе утро, Селин, – сказал он, прочитав её имя на бейдже. – Я вчера заметил, как вы работаете. Очень... внимательно. Можно спросить, вы всегда так смотрите на документы, будто они живые?

Она слегка покраснела, но ответила честно:

– Иногда они и правда живые. Для меня.

Он кивнул, будто понял гораздо больше, чем она сказала.

– Тогда я постараюсь не шуметь. Чтобы не спугнуть их истории.

В четверг, на третий день, всё изменилось.

Селин сидела за своим столом и разбирала письма 1803 года, когда услышала его шаги. Он подошёл тихо, но уверенно. В руках один из её жёлтых стикеров. Тот самый, с ветрами Аэрлиса.

– Простите, что беспокою... – начал он, голос был ниже обычного, почти интимный. – Я случайно увидел. Не хотел читать, но стикер отклеился, когда я переключал журнал. «Ветра, рождающиеся внутри человека». Что это за мир, где дуют такие ветра?

Селин замерла. Внутри всё сжалось, нежно, но сильно. Будто кто-то повернул тот самый серебряный ключик у неё на запястье. Она подняла взгляд. Его ореховые глаза с золотыми искорками были совсем близко, и в них не было насмешки. Только настоящее, живое любопытство. И что-то ещё. Что-то тёплое.

Она молчала секунды четыре. Пальцы сами коснулись края стола, будто искали опору в реальности.

– Вы, правда хотите знать? – спросила она наконец. Голос был мягким, но в нём уже звучала та самая дрожь, которую она всегда прятала.

Габриэль не улыбнулся сразу. Он просто медленно и серьёзно кивнул, как человек, который понимает, что сейчас ему открывают не просто тайну, а целый портал.

– Очень, – ответил он тихо. – Потому что я всю жизнь ищу именно такие ветра. А нахожу только цифры и факты.

Селин почувствовала, как внутри распускается что-то тёплое и хрупкое. Она огляделась, архив был пустым, только они двое и тихое гудение старых ламп.

– Тогда... если не боитесь пыли и запаха туши, приходите сегодня вечером ко мне домой в мастерскую. У меня... там всё настоящее. Не в ящиках. А живое.

Габриэль смотрел на неё ещё секунду. Потом кивнул.

– Я приду. В котором часу?

– В восемь. Я буду ждать.

Он аккуратно вернул стикер на место, прижал его ладонью, будто запечатывая обещание.

– Тогда до вечера, Селин Леруа.

Когда он ушёл, она ещё долго сидела неподвижно, прижимая ладонь к груди. Ключик на запястье казался горячим. Внутри уже кружились ветра Аэрлиса, сильные, радостные, немного испуганные.

В тот вечер она впервые за много лет не стала прятать тетрадь в кожаном переплёте. Оставила её на самом видном месте.

Потому что впервые в жизни кто-то спросил не «что это за фантазии», а «что это за мир». И она решила показать ему.

Глава 3

Габриэль пришёл ровно в восемь, ни минутой раньше, ни минутой позже. Селин услышала тихий, аккуратный стук в дверь и на секунду замерла посреди комнаты, прижимая ладони к щекам. Они были горячими. Она быстро поправила выбившуюся прядь из пучка, одёрнула серый свитер (сегодня без яркого акцента, только серебряный ключик на запястье и слабый запах лаванды от свечи, которую она зажгла полчаса назад).

Открыв дверь, она увидела его: в тёмном пальто, слегка припорошенном мелким дождём, с бутылкой красного бордо в одной руке и маленьким букетом белых хризантем в другой. Цветы пахли свежестью.

– Добрый вечер, – сказал он тихо, с той же осторожной улыбкой, что и в архиве. – Я принёс вино. И цветы. Надеюсь, они не слишком... официальные.

Селин немного улыбнулась, но искренне.

– Они прекрасные. Проходи. Только... не пугайся беспорядка. Здесь всегда немного как в старой книге.

Он вошёл, снял пальто, повесил его на крючок у двери. Квартирка-мастерская встретила его тёплым светом единственной зелёной настольной лампы и запахом: старая бумага, тушь, чуть-чуть лаванды и свежей осени, который принёс он с собой.

Габриэль остановился посреди комнаты, медленно поворачиваясь вокруг своей оси.

Стены были словно живыми.

На одной – большая карта Аэрлиса. Реки текли вверх, если человек говорил правду, и петляли вниз, если лгал. В центре – долина, окружённая горами, где ветер дул в разные стороны в зависимости от эмоций: вверх – от любви, вниз – от страха потери или предательства.

На другой стене – гербарий фантастических растений: засушенные (нарисованные) листья с подписями от руки. «Слезолист; расцветает только когда кто-то плачет от счастья. Лепестки собирают в подушку для хороших снов». «Звёздный шиповник; колет только тех, кто забыл мечтать».

Третья стена – портреты. Десятки маленьких портретов людей, которых Селин видела в очереди в булочной, в метро, в архиве. Каждому она добавила что-то своё: крылья, звёздную пыль в волосах. Один портрет: пожилая женщина с лицом, очень похожим на бабушкино, только вместо глаз два крошечных серебряных ключика, из которых льются тонкие ручейки света.

Габриэль долго стоял перед этим портретом. Не говорил ничего. Просто смотрел.

Селин подошла ближе, поставила цветы в старую стеклянную банку.

– Это бабушка, – сказала она тихо. – Она ушла, когда мне было шестнадцать. Но оставила мне... вот это всё. – Она об-

вела рукой комнату. – Язык видеть невидимое.

Габриэль повернулся к ней.

– Она была художницей?

– Художницей по костюмам. В театре. Учила меня, что облако может быть драконом, а шум дождя шепотом лесных духов. – Селин улыбнулась воспоминанию. – А ещё она подарила мне эту тетрадь. – Она указала на стол, где лежала кожаная тетрадь с потёртым переплётом и маленьким замочком. – И ключ. Чтобы я никогда не теряла дорогу домой.

Он кивнул. Очень медленно.

– Можно... посмотреть поближе?

Селин кивнула. Подвела его к столу. Зажгла ещё одну свечу, маленькую, в форме звезды. Свет стал золотисто-янтарным.

Она открыла тетрадь. Страницы были заполнены не хаотично, а системно: карты, законы физики Аэрлиса, хронологии правителей, описания ветров. Всё аккуратным почерком, с иллюстрациями по краям.

– Здесь... – она перевернула страницу, – ветра Аэрлиса. Они рождаются внутри. Если человек боится потерять кого-то, ветер дует вниз, прижимает к земле. Если любит по-настоящему, поднимает вверх, до облаков. Иногда даже выше.

Габриэль наклонился ближе. Пальцы его почти касались бумаги.

– А это? – он указал на маленький набросок: две фигурки

на краю обрыва, ветер раздувает их одежды в разные стороны.

Щёки Селин чуть-чуть покраснели.

– Это... пока без имени. Два человека, которые встретились на границе миров. Один из реальности, другой из Аэрлиса. Они пытаются понять, в какую сторону дует их собственный ветер.

Он посмотрел на неё. Долго. Без слов.

– Можно я сяду? – спросил он наконец.

– Конечно. – Она пододвинула второй стул. Они сели рядом, плечо к плечу.

Селин взяла тетрадь на колени. Голос её стал ещё тише, но теперь в нём появилась мелодия, как будто она рассказывала сказку ребёнку перед сном.

– В Аэрлисе время течёт не вперёд, а... в стороны. Когда человек счастлив – оно расширяется, как озеро после дождя. Появляется больше места для воспоминаний, для людей, для маленьких чудес. Когда грустит – сжимается в тонкую серебряную нить. Её можно держать в руках, но нельзя разорвать. Иначе потеряешь всё, что было до этого момента.

Она перевернула страницу. Там красовался портрет королевы Элиссии. Высокая, с длинными серебристыми волосами, глаза цвета грозового неба.

– Это Элиссия. Она может слышать мысли облаков. Однажды влюбилась в картографа из нашего мира. Он пришёл рисовать карту её королевства и... остался. Потому что она

разрешила ему увидеть, как облака плачут дождём, когда им грустно.

Габриэль слушал, не перебивая. Иногда только очень осторожно касался пальцем края страницы, будто проверял, настоящая ли она.

Селин замолчала на минуту. Потом очень тихо спросила:

– Тебе... не скучно?

Он покачал головой.

– Мне... страшно красиво. – Он повернулся к ней. – Я всю жизнь копался в старых бумагах, искал доказательства, что сказки были правдой когда-то. А они просто ждали, пока их кто-то нарисует. И вот... ты нарисовала.

Селин опустила глаза. Пальцы гладили кожаный переплёт тетради.

– Я всегда боялась показывать. Думала... скажут «это детские фантазии», «пора взрослеть». Мама с папой так говорили. А бабушка... бабушка говорила: «Мир без фантазии – как библиотека без книг. Пустые полки».

Габриэль осторожно коснулся её руки только кончиками пальцев.

– Тогда я рад, что ты показала мне свой мир. Потому что теперь я тоже вижу эти полки. И они полны.

Она подняла взгляд. Серо-голубые глаза уже не были расфокусированными. Они смотрели прямо. Ясно.

– Хочешь... стать жителем Аэрлиса? – спросила она почти шёпотом.

Габриэль медленно и тепло улыбнулся.

– Уже стал. С того момента, как увидел твой стикер. Только... мне нужен официальный пропуск.

Селин тихо, но искренне рассмеялась. Достала из ящика стола чистый жёлтый стикер, тонкое перо и красный воск. Написала:

«Габриэлю Моро – разрешается входить во все двери Аэр-лиса. Ветер будет дуть вверх, если он не закроет их никогда».

Прижала печать из воска в виде маленькой звёздочки.

– Вот. Теперь официально.

Он взял стикер, поднёс к свету. Потом аккуратно сложил и положил во внутренний карман.

– Я сохраню его. Навсегда.

Они сидели ещё долго. Свеча догорала. Вино осталось неоткрытым, но им было не нужно. Снаружи шёл мелкий дождь, стучал по подоконнику.

А в маленькой квартирке дул ветер. Изнутри. Тихий, тёплый, поднимающий вверх.

Глава 4

На следующий день Габриэль пришёл снова, уже без портфеля, в простом свитере и с бумажным пакетом круассанов.

– Селин, – сказал он, стоя в дверях, – а можно попросить об одной вещи? Проведи мне небольшую экскурсию по твоему кварталу. Не туристическую. Твою. Твоими глазами.

Она покраснела до кончиков ушей.

– Мою? Но там... ничего особенного. Просто старые дома и трещины на асфальте.

– Именно поэтому, – улыбнулся он. – Хочу увидеть, как ты их видишь.

Они вышли на улицу. Осенний воздух был прохладным и влажным.

– Вот этот дом, – начала Селин, показывая на потрёпанное здание с облупившейся синей краской. – Видишь, как тень от водосточной трубы падает на стену? Она похожа на дракона, который заснул, свернувшись кольцом. Он охраняет сны всех, кто живёт на четвёртом этаже.

Габриэль прищурился, наклонил голову.

– Ага... точно дракон. Только у него левая лапа чуть короче. Наверное, в прошлом году подрался с соседней горгульей.

Селин рассмеялась – неожиданно громко для себя.

– Ты уже придумываешь ему предысторию? Я впечатлена!

Они шли дальше. У старого фонтана Селин остановилась.

– А здесь, если присесть и послушать, вода рассказывает истории. Сегодня она шепчет про девочку, которая потеряла красный шарф и нашла вместо него друга.

Габриэль присел рядом на край каменной чаши фонтана, достал блокнот и начал быстро что-то записывать.

– Что ты пишешь? – спросила она, заглядывая через плечо.

– «Глава 7. Фонтан, который влюбляет людей в тех, кто умеет слушать». Название рабочее.

– Габриэль! – она шутливо толкнула его плечом. – Ты же серьёзный исследователь!

– Уже нет, – ответил он, глядя на неё чуть дольше, чем нужно. – Теперь я житель Аэрлиса. У меня даже есть официальное разрешение от королевы Элисси.

Он достал из кармана сложенный листок – её вчерашний стикер с печатью из красного воска, которую она сделала просто так, от счастья.

Селин прикрыла лицо руками, но между пальцами блеснули глаза.

– Ты ужасный.

– Ужасно влюблённый в твои миры, – тихо добавил он.

Они замолчали. Только вода в фонтане продолжала шептать.

На третий день совместных приключений они поехали на старом автобусе к морю – искать «артефакты». Селин взяла

свою маленькую холщовую сумку, Габриэль – термос с горячим чаем.

На пустынном пляже осеннего Дюнкерка ветер трепал её волосы. Она собирала камешки и каждому давала имя.

– Этот – Сердце-тихоня. Он молчит, но если приложить к уху – слышно, как внутри кто-то поёт колыбельную.

Габриэль взял камешек, поднёс к уху и серьёзно кивнул.

– Точно. Поёт фальшиво, но очень трогательно. Я думаю, он влюблён в вон тот плоский камушек.

Селин расхохоталась.

– Ты невозможный!

– Я стараюсь, – улыбнулся он и вдруг взял её за руку. Просто так. Пальцы были тёплыми. – Селин... спасибо, чтопустила меня. Я раньше думал, что волшебные миры бывают только в книгах. А они – вот. Прямо здесь. В твоей голове. И в твоих руках.

Она не отняла ладонь. Только крепче сжала его пальцы.

– Я боялась, что ты посмеёшься надо мной.

– Посмеюсь? Я теперь официально твой придворный картограф. У меня даже должность есть: «Главный Искатель Ветров Изнутри».

Вечером того же дня они рисовали вместе. Селин сидела за столом, Габриэль – на полу, скрестив ноги.

– Нарисуй мне свой портрет в Аэрлисе, – попросила она.

Он долго думал, потом изобразил высокого мужчину в очках, который держит в руках огромный серебряный ключ

размером с себя.

– Это чтобы открывать все твои двери, – объяснил он. – Даже те, которые ты ещё не нарисовала.

Селин посмотрела на рисунок, потом на него. Глаза были влажными.

– Габриэль... ты уже открыл все двери. Давно.

На следующий день они снова гуляли по кварталу как люди, которые делят один секрет на двоих.

У маленькой булочной Селин остановилась.

– Здесь каждое утро булочник месье Пьер поёт под нос старую песню. Я думаю, он на самом деле бард из Аэрлиса, просто замаскировался.

Габриэль наклонился к ней и прошептал:

– Тогда давай купим ему круассан с шоколадом. В знак дипломатического признания.

Они купили. Месье Пьер, увидев, как Габриэль галантно подаёт пакет Селин, подмигнул:

– Наконец-то у нашей мечтательницы появился кто-то, кто не боится облаков в её глазах!

Селин покраснела, а Габриэль ответил без запинки:

– Я не просто не боюсь. Я теперь в них живу.

Вечером они сидели в мастерской. На столе – новая карта, которая была создана уже вдвоем. Габриэль добавил реку, которая течёт вверх, если человек говорит правду.

– Селин, – сказал он вдруг очень тихо, – я хочу, чтобы ты знала. Я думал, что ищу материал для книги. А нашел целый

мир. И человека, создавшего этот мир.

– Тогда оставайся, – прошептала она. – Навсегда. Я дам тебе свой запасной ключ.

И она сняла с себя тонкую цепочку, надела ему на шею. Ключик лёг точно на его сердце.

Габриэль осторожно притянул Селин к себе, будто боялся спугнуть ветер.

– Я обещаю, – сказал он ей в волосы, – никогда не запирайте ни одну дверь. Даже если там будет страшно красиво.

Два человека – младший библиотекарь и независимый исследователь – наконец-то нашли дорогу домой. В мир, который они теперь создавали вместе.

Глава 5

В одни из дней всё пошло чуть иначе.

Утро было серым, с низкими облаками, которые висели над Лиллем, как невысказанные слова. Селин проснулась раньше обычного и сразу почувствовала тяжесть в груди. Накануне вечером Габриэль, увлечённый новой главой своей книги, сказал между делом:

«Знаешь, я думаю, что в финале книги нужно будет показать, как героиня постепенно возвращается в реальный мир. Чтобы читатель почувствовал... заземление. Надежду на то, что фантазии могут стать частью обычной жизни, а не заменять её».

Селин тогда промолчала. Только кивнула и ушла мыть кисти. Но слова осели внутри, как мокрый песок в ботинках.

Утром, когда Габриэль пришёл с двумя стаканчиками кофе из кофейни на углу, она уже сидела за столом и молча перебирала старые наброски.

– Доброе утро, – он поставил кофе рядом с её локтем. – Я принёс твой любимый – с карамельным сиропом.

– Спасибо, – ответила она тихо, не поднимая глаз.

Габриэль сразу почувствовал перемену в настроении Селин.

– Что-то не так?

Селин долго молчала, водя пальцем по краю старого ри-

сунка – силуэт девочки, смотрящей в небо, где вместо облаков летят бумажные корабли.

– Ты вчера сказал... про заземление. Про то, что фантазии не должны заменять реальность.

Габриэль сел напротив.

– Я имел в виду героиню книги. Не тебя.

– А какая между нами разница? – голос Селин дрогнул, но остался тихим. – Ты пишешь книгу о Лилле, о прошлом, о фактах... а потом берёшь мои миры и... подрезаешь им крылья. Чтобы они «вписывались». Чтобы выглядели... приемлемо.

Габриэль нахмурился.

– Селин, я не подрезаю. Я пытаюсь показать, что можно жить в обоих мирах. Не прятаться в одном и не терять другой.

– А мне кажется, ты хочешь, чтобы я стала... удобнее. Чтобы мои миры стали просто красивым фоном для твоей «серьёзной» книги. – Она наконец подняла взгляд. В серо-голубых глазах стояли слёзы, но не падали. – Я всю жизнь слышала: «пора взрослеть», «хватит витать», «это мило, но...». Я думала, ты другой.

Габриэль почувствовал, как внутри что-то болезненно сжалось.

– Я и есть другой. Поэтому я здесь. Поэтому я ношу твой ключ на шее. – Он коснулся серебряной цепочки. – Но я писатель, Селин. Я не умею просто... существовать в сказке. Я

пытаюсь её рассказать. И да, иногда мне страшно, что если я не найду мостик между Аэрлисом и Лиллем – то потеряю тебя в одном из этих миров. А я не хочу тебя терять.

Селин встала. Голос стал ещё тише, почти шёпот.

– А я боюсь, что ты попросишь меня закрыть тетрадь. На всегда. Как мама с папой просили в детстве.

Она отвернулась к окну. Пальцы сжали край подоконника так, что побелели костяшки.

Габриэль тоже встал. Подошёл, но не коснулся её – просто встал рядом, на расстоянии одного вдоха.

– Я никогда не попрошу тебя закрыть тетрадь. Клянусь. – Он помолчал. – Но я могу быть идиотом. Могу говорить не то, что думаю. Могу слишком сильно хотеть, чтобы мой мир и твой... ужились. И от этого иногда говорить глупости.

Селин молчала долго. Минуты три. Потом очень тихо спросила:

– Ты правда думаешь, что я прячусь?

– Нет. – Он повернулся к ней лицом. – Я думаю, что ты строишь дома. Самые настоящие. Просто они не из кирпича. И мне иногда страшно, что я окажусь слишком... бетонным для твоих воздушных замков.

Она наконец посмотрела на него. Слёзы всё-таки скатились, быстро.

– Тогда не пытайся делать из моих замков... кирпичные дома. Просто... живи в них иногда. Со мной.

Габриэль кивнул. Медленно. Очень серьёзно.

– Хорошо. Я обещаю. Больше никаких «заземлений» без твоего разрешения. Если захочешь – будем летать. Если захочешь – будем сидеть на крыше и смотреть, как облака превращаются в драконов. А книга... книга подождёт. Или изменится. Или вообще станет другой.

Селин шмыгнула носом. Потом сделала маленький шаг вперёд и уткнулась лбом ему в грудь.

– Прости, что всплыла. Я... я очень боюсь.

Он обнял её – осторожно, но крепко.

– Прости, что задел тебя. Я тоже боюсь. Боюсь оказаться недостаточно... волшебным для тебя.

Она слабо улыбнулась, не поднимая головы с его свитера.

– Ты уже волшебный. Просто иногда очки мешают тебе видеть.

Габриэль тихо рассмеялся. Поцеловал её в макушку.

– Тогда сниму их. Когда будем в Аэрлисе точно сниму.

Они простояли так ещё долго. Кофе остыл. Облака за окном начали медленно расходиться, пропуская тонкий луч солнца.

Потом Селин отстранилась чуть-чуть, взяла его за руку и подвела к столу.

– Давай нарисуем сегодня что-нибудь вместе. Без всякого «смысла» и «финала». Просто... потому что хочется.

Габриэль кивнул.

– Только одно условие.

– Какое?

– Ты рисуешь небо. А я – того, кто в этом небе летит. И пусть он будет немного неуклюжим. Но счастливым.

Селин улыбнулась – уже по-настоящему, тепло.

– Договорились.

Они сели рядом. Бумага. Тушь. Акварель. Тишина, прерываемая только шорохом кистей и редкими смешками, когда у Габриэля в очередной раз получался дракон (больше похожий на уставшего пеликана).

К вечеру на листе появилось небо Аэрлиса – огромное, переливчатое, с яркими звёздами. А в центре – две маленькие фигурки. Одна с развевающимися каштановыми волосами и ключиком на запястье. Другая – в очках, с нелепо растопыренными руками, будто только учится летать.

И они летели. Вместе.

Не идеально. Не красиво-картинно. Но – вместе.

А за окном уже наступил вечер, и ветер над Лиллем снова дул изнутри.

Только теперь в нём было два голоса.

Глава 6

Спустя какое-то время они придумали маленький ритуал.

Каждое утро, когда Селин приходила открывать архив, Габриэль уже ждал её у служебного входа с двумя стаканчиками кофе. Он не заходил внутрь, просто передавал ей кофе через приоткрытую дверь, а потом быстро целовал её в висок, почти украдкой.

Но однажды утром он задержался.

– Подожди, – сказал он и достал из кармана крошечный свёрток бумаги.

Селин развернула его дрожащими от утреннего холода пальцами. Внутри лежал тонкий браслет, сплетённый из маленьких перламутровых бусин неправильной формы, словно крошечные капли застывшего лунного света. На браслете висела одна серебряная подвеска: миниатюрный кораблик с парусом, чуть накренившийся, будто он только что поймал попутный ветер.

– Это не вместо твоего ключа, – быстро объяснил Габриэль, глядя, как она рассматривает подарок. – Просто... чтобы на другой руке тоже было напоминание. Кораблик – потому что ты всегда куда-то плывёшь. Внутри себя. А я... я просто хочу быть тем ветром, который помогает тебе идти дальше.

Селин смотрела на браслет, не дыша. Перламутр переливался мягким, внутренним светом, точно так же, как иногда

переливались её глаза, когда она рассказывала о Аэрлисе.

– Ты сам делал? – спросила она почти шёпотом.

– Три вечера. Руки дрожали, бусины всё время рассыпались по столу. Но я очень хотел, чтобы он был от меня, не купленный.

Она надела браслет сразу на левую руку. Бусины были прохладными, но быстро согрелись от тепла её кожи.

Потом Селин встала на цыпочки и впервые сама поцеловала его в уголок губ, очень легко, но с такой нежностью, что у Габриэля перехватило дыхание.

– Теперь у меня два ключа, – прошептала она, не отрываясь от его лица. – Один открывает двери в мои миры, а второй в твой мир. И этот кораблик... он будет плыть со мной всегда.

Габриэль закрыл глаза на секунду, будто запоминая ощущение её губ и её слов.

С той поры каждое утро он ждал её у двери, а она всегда сначала касалась его щеки холодными пальцами, будто проверяла, не приснился ли он ей. А потом, уже внутри архива, она иногда подносила руку к свету настольной лампы и смотрела, как перламутр играет бликами, словно крошечные волны на далёком море Аэрлиса.

Глава 7

Это случилось в середине декабря, в субботу, когда неожиданно потеплело и весь город пах мокрым камнем.

Они гуляли по старому кварталу Сен-Совёр – там, где узкие улочки спускаются к реке Дейль. Селин вела его к своему любимому месту – крошечному мостику без названия, почти скрытому плющом. Под мостом текла вода, а над ним нависали старые фонари, которые никто не зажигал уже лет десять.

– Здесь я иногда сижу и слушаю, как река рассказывает истории, – сказала она. – Сегодня она в хорошем настроении.

Они остановились посередине мостика. Вечерний свет был золотисто-розовым – тот самый, который бывает иногда даже зимой, когда солнце решает задержаться подольше.

Габриэль повернулся к ней лицом.

– Селин... – начал он и замолчал, потому что слова вдруг показались слишком тяжёлыми.

Она посмотрела на него – серо-голубые глаза ясные, чуть блестящие от ветра и света.

– Что?

Он сделал маленький шаг ближе. Поднял руку и очень медленно убрал прядь волос с её лица. Пальцы задержались на щеке.

– Я всё время думаю... что если я сейчас тебя поцелую, то

уже никогда не смогу притворяться, что это просто дружба. Или просто «интерес к твоим мирам».

Селин улыбнулась – мягко, почти робко.

– А я всё время думаю... что если ты меня сейчас не поцелуешь, то я сама это сделаю. И тогда будет неловко.

Габриэль тихо рассмеялся – нервно, счастливо.

Он наклонился медленно, давая ей время отстраниться, если захочет. Но она не отстранилась.

Их губы соприкоснулись очень легко, почти невесомо. Как будто оба спрашивали разрешения у самих себя.

Потом он чуть сильнее прижал её к себе, а она подняла руки и обняла его за шею. Поцелуй стал глубже, медленнее, нежнее, как будто они оба впервые пробовали на вкус не только друг друга, но и весь воздух между ними, весь этот вечер.

Когда они отстранились, оба дышали чуть чаще. Лоб Селин лежал на его плече.

– Это... волшебно, – прошептала она.

– Это ты волшебная, – ответил он и поцеловал её в висок. – А я просто дышу твоим волшебством.

Они постояли ещё немного, обнявшись, пока солнце не ушло совсем, а фонари на мосту вдруг зажглись сами собой (или им показалось). Мягкий жёлтый свет упал на их лица.

Селин взяла его за руку и переплела пальцы. Они пошли назад – медленно, не разжимая рук. Ветер дул изнутри.

И он был тёплым.

Глава 8

Через неделю наступила новогодняя ночь. В Лилле она выдалась тихой и ясной: мороз лёгкий, без ветра, небо чёрное и звёздное, как будто город на один вечер решил не мешать небесам. Снег лежал тонким, нетронутым слоем, что было редкостью для последних дней года.

Габриэль пришёл к Селин после десяти вечера с бумажным пакетом, из которого выглядывали провода крошечных светодиодных фонариков – золотистых, тёплых, тех самых, что обычно мерцают на рождественских ёлках. В другой руке – термос с горячим глинтвейном, пряный аромат которого ещё на лестнице пробивался сквозь холод: корица, гвоздика, апельсиновая цедра, немного мёда и красное вино.

– Пойдём на крышу, – сказал он, когда она открыла дверь. Голос был чуть ниже обычного, с лёгкой хрипотцой от волнения. – Там сегодня звёзды. И почти никого внизу. Только мы и полночь.

Селин робко улыбнулась и кивнула. Она надела свой самый тёплый новогодний свитер красный со снежинками, а поверх бабушкин шерстяной платок с выцветшими розами. Они поднялись по узкой железной лестнице, которая поскрипывала под ногами, как старая колыбельная. Холод сразу обнял лицо, щипнул щёки, проник под воротник, но внутри уже разливалось другое тепло. Тепло от его присутствия,

от предчувствия того, что они решили встретить новый год именно так: вдвоём, над городом, под открытым небом.

Крыша была маленькой, с низким парапетом. Габриэль расстелил старое шерстяное одеяло, которое днем тайком взял из архивного подвала. Оно пахло пылью, лавандой и чем-то уютно-старинным. Они сели, прижавшись спинами к кирпичной стене: плечом к плечу. Тишина была густой, почти осязаемой – только далёкий гул города внизу да редкие хлопки петард где-то далеко.

Габриэль начал развешивать фонарики на верёвке, которую Селин когда-то натянула здесь для «сушки рисунков». Один за другим маленькие золотые огоньки мягко и неярко вспыхивали, дрожа на морозном воздухе. Они отражались в её глазах, в его очках, в снегу на парапете, создавая крошечный, интимный космос прямо над ними. Свет был таким нежным, что звёзды над головой казались ближе, или это они сами поднялись выше?

Селин запрокинула голову. Небо было усыпано звёздами – яркими, колючими, живыми. Некоторые пульсировали, как крошечные сердца. Другие казались далёкими искрами, которые вот-вот сорвутся и упадут.

– Они как будто знают, что сегодня особенная ночь, – прошептала она, выдыхая облачко пара. – Решили не прятаться в облаках.

Габриэль открыл термос. Густой, пряный пар поднялся между ними: аромат специй, вина и апельсина смешался с

холодом ночи. Он налил в две металлические кружки; металл был ледяным, но напиток начинал обжигать пальцы сквозь стенки. Когда она взяла свою кружку, их пальцы на миг соприкоснулись, но этого хватило, чтобы по коже пробежала волна тепла.

– Тогда давай загадаем желание, – сказал он тихо, глядя не на небо, а на неё. – Но не обычное. Такое, которое можно нарисовать или прожить.

Селин поднесла кружку к губам. Глинтвейн был сладко-жгучим, оставлял на языке привкус корицы и мёда. Она закрыла глаза, чувствуя, как тепло разливается по груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.